

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-122-134

ВОСТОК И/ЛИ ЗАПАД: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИЙСКОЙ НАУКЕ В КООРДИНАТАХ ПОПУЛЯРНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Н. К. Радина, А. В. Козлова, С. В. Тарасов

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия.

E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8336-1044. ResearcherID: L-6641-2015).

Козлова Анастасия Владимировна, инженер-исследователь ПАО Сбербанк,
Нижний Новгород, Россия.

E-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2629-9157).

Тарасов Семен Васильевич, аспирант, младший научный сотрудник,
Институт психологии РАН, Москва, Россия.

E-mail: sementarasovvas@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8790-7219. ResearcherID: AEF-5943-2022).

Аннотация

В конце XX в. Россия демонстрировала сближение с наукой Запада, а в XXI в. совершила «поворот на Восток». Цель статьи – реконструировать модели развития науки, ориентированные на Восток и Запад в понимании студенческой молодежи, а также модель развития российской науки. Эмпирика собиралась при помощи анкеты из утверждений, объединенных в четыре тематических блока (традиционные представления о развитии науки; ориентация на актуальные тенденции; блок социально-экономической депривированности; чувствительность к политическим изменениям). Выборка составила 387 чел. (студенты Воронежа, Кирова, Курска, Москвы, Нижнего Новгорода). По результатам заполнения анкеты проведен корреляционный анализ и на основе корреляционных связей построены модели науки России, Востока и Запада. По итогам исследования сделан вывод, что студенты уже совершили «поворот на Восток» в представлениях о науке. Вероятно, модель «науки Востока» более похожа на модель российской науки благодаря функционированию механизма социальной перцепции – ингрупповому фаворитизму. Выяснилось, что стереотипизированный образ науки складывается с опорой на повседневный опыт и медийные представления. Следовательно, через популярную культуру, а также международные университетские мероприятия можно влиять на геополитические стереотипы о науке.

Ключевые слова: популярная геополитика; наука; общество знания; Запад; Восток.

Антиномия «Восток – Запад» не столько географическая, сколько культурная конструкция, веками определяющая философские дискуссии в России и способ самоопределения для страны «культурного синтеза» (Пархоменко, 2021; Хренов, 2013). Позиции евроцентризма и «европейской репутации» были выбором 90-х гг. XX в., когда демократическая Россия предпочла «западный путь», ориентируясь на западные стандарты, идеи, институты, техники и технологии (Говоров, 2003). В отношении образования и отчасти науки это выразилось в вовлечении России в (западный) Болонский процесс, предполагающий принятие системы единых стандартов высшего образования, а затем и в «отлучении» российской науки и образования по политическим причинам (Тхагапсоев, 2022). Выбор Россией прозападного вектора развития в конце XX в. в начале XXI был изменен из-за санкций, а также других инструментов принуждения со стороны Запада вследствие ситуации военно-политической напряженности на Украине (Тимофеев, 2022; Трищенко, 2022). Переориентация страны с Запада на Восток – начиная с туризма, торговли энергоресурсами и заканчивая технологиями – потребовала переосмысления концепции межстрановых отношений в разных областях народного хозяйства, включая науку и образование. Цель данной статьи – реконструировать модели развития со-

временной науки, ориентированные на Восток и Запад в понимании молодежи, получающей высшее образование, а также реконструкция модели развития российской науки.

Роль науки в обществе знания

Ключевая роль образования и науки в обществе знания – информационном обществе, ориентированном на инновации, – непосредственно связана с экономическим развитием общества. Кроме того, непрерывное воспроизводство в научных дискуссиях темы мировой глобализации сконструировало также и логику общества знания как глобального (глобализированного) общества. На первый взгляд, свобода перемещения информации, труда и капитала очевидно подкрепляет уверенность в наднациональном статусе глобализированного общества знания, свободном перемещении научного знания и его доступности. Однако культурные практики национальных государств во все времена препятствовали свободе перемещения знания посредством специфических организационных и технических инфраструктур, выстраивая системы «авторских прав» и т.п. (Stehr, Ufer, 2008). Что же касается современных информационных обществ знаний, они выстраивают новые системы неравенства – неравенства ресурсов знаний, обуславливающие конкуренцию на уровне стран, регионов, корпораций (Chatterjee, 2021).

По мнению известного немецкого философа и социолога Петера Вайнгарта, наука в обществе знания проникла во все сферы жизни, изменяя общество, устанавливая особые связи с сферой политики, а также сферой массовой коммуникации, формулируя собственную активность как направленную на конкретного получателя – воображаемое общество знания (Weingart, 2022). В свою очередь «воображаемое общество знания» также воображает науку, связывая ее с экономическим ростом общества и техническими инновациями, с решением актуальных проблем здравоохранения и образования, и даже с успешным решением внешнеполитических задач, например, в контексте доминирования в конкуренции между дружественными и нежружественными странами, включая военные столкновения.

Управление населением со стороны представителей государственной власти требует особых коммуникативных, пропагандистских умений. Инструментальное значение государственной пропаганды состоит в том, чтобы обеспечить согласованное понимание гражданами страны того или иного события, формируя такие установки у населения, которые помогают решению государственных задач (Радина, 2023). Переориентация России на Восток как геополитическая задача в этом контексте представляется достаточно сложной, поскольку обычные граждане, в отличие от философов, не используют архивы, не анализируют научные труды и опираются на ментальные конструкты, создающие простую картину мира, удобную для жизни. В этой «простой картине мира» «Восток» и «Запад» не классические геополитические категории, а категории популярной геополитики. Популярная геополитика – относительно новое направление политологической науки, сформированное в русле критической геополитики как одна из ключевых областей (наряду с практической, формальной и структурной геополитикой) и изучающее то, какими средствами популярная культура формирует представления о мире, национальных государствах, международных организациях и других институциях, процессах и знаках (Струков, 2020; Dittmer, 2010).

С точки зрения Джейсона Диттмер, если ориентироваться на понимание национальной идентичности и глобального порядка, необходимо понимать популярную геополитику, проявленную в «дискурсе повседневности», в том информационном фоне, в который граждане погружены ежедневно (Dittmer, Gray; 2010). Фактически речь идет о формировании бытовых представлений и стереотипов о различных регионах (территориях, странах и т.п.) с опорой на материалы СМИ, художественные и документальные фильмы, телевизионные шоу и сериалы, карикатуры, художественную литературу, компьютерные игры, анекдоты, детские игрушки, фольклор (включая студенческий фольклор) и т.п. (Ghourchi, 2021; Woodyer, Carter, 2021; и др.). Именно через эти стереотипы, сформированные популярной культурой, население воспринимает новые установки во внутренней и внешней политике государства. И если речь идет о переориентации сотрудничества в области образования и науки с Запада на Восток, возникают вопросы о репрезентации российской науки в координатах популярной геополитики. «Воображаемая наука» того или иного государства и образы ученых в попкультуре чаще изучаются на материале художественных фильмов или художественной литературы (Иванова, 2017; и др.). Эти образы, как правило, привязаны к эпохе (например, достаточно часто в русскоязычных исследованиях изучается репрезентация «советской науки» (Долгова, 2021)), а географически соотносятся с Россией или Западом, преимущественно с США (Медведева, 2014; Vivas-Peraza, 2022).

Образы советской науки и советских ученых в популярных произведениях раскрывают конфликт между «старым» и «новым» идеологическими мирами в первой трети XX в., а позднее героизируют советскую науку, формируя образы ученых как сверхлюдей, ценой собственных жизней решающих государственные задачи (Пушкарева, 2020). Западная наука в популярной культуре – продукт гениев на грани безумия, асоциальных и неприспособленных в обычной жизни, часто подчиненных бизнес-корпорациям или военным (Weitekamp, 2017). Наука Востока, согласно исследованиям, получила репрезентацию в медиа преимущественно благодаря достижениям Китая, его ориентации на цифровизацию (Го Лицзюнь, 2020). К сожалению, не были обнаружены исследования, посвященные роли экспансии китайских «умных игрушек» в формировании представлений о науке Китая, а также роли компьютерных игр с репрезентацией научно-технических возможностей РФ или стран Востока.

Стереотипы «воображаемой науки», формируемые попкультурой, могут быть скорректированы собственным опытом индивида, общением с учеными, примериванием на себя карьеры исследователя для тех, кто получает высшее образование и может рассматривать аспирантуру в качестве продолжения обучения. В то же время «поворот на Восток» и артикуляция новых геополитических ориентиров для науки актуализирует необходимость понимания – что представляет собой, с точки зрения россиян, современная российская наука, какова «наука Запада», а также каковы наши стереотипы о новом ведущем партнере – «науке Востока».

Методология и методы

Представляемое исследование является пилотным, то есть осуществляемым для проверки начальных гипотез. Теоретическая база исследования – концептуальное поле популярной геополитики в качестве ведущей теоретической рамки, а также концепция и идеи Петера Вайнгарта о взаимодействии науки, политики и массмедиа. Наука в данном исследовании рассматривается как социальный институт по производству, сохранению и трансляции научных знаний об окружающем мире, включающая субъект науки, организационные связи и отношения, институциональные ценности, нормы и идеалы, а также специфические учреждения и организации. «Воображаемая наука» как исследовательский конструкт обладает теми же структурными и содержательными характеристиками.

Представления россиян о том, как должна развиваться наука (российская наука, ориентированная на партнерство то с западной наукой, то с восточной), собирались при помощи анкеты «Научные приоритеты», состоящей из 25 утверждений о возможных направлениях развития науки. Данная анкета заполнялась исходя из различных позиций (различных модальностей). В данной статье анализируются модальности «важно для российской науки»; «важно для развития науки и университетов в странах Востока»; «важно для развития науки и университетов в странах Запада» (см. приложение).

Опросный инструмент исследования является нестандартизованным и имеет статус анкеты. Утверждения в анкете объединены в четыре тематических блока, а именно: 1) традиционные представления о развитии науки; 2) ориентация на актуальные тенденции; 3) блок социально-экономической депривированности; 4) чувствительность к политическим изменениям. Вопросы формулировались исходя из задач в области науки и образования, поставленных российским государством перед российским обществом в результате западных санкций. Наиболее весомый по количеству вопросов в анкете – блок 2 (ориентация на актуальные тенденции: 10 утверждений). Специфика сбора эмпирических данных заключалась в следующем: имели значение не только отметки выбора пункта, но также корреляционные связи между пунктами анкеты и модальностями (корреляции указывают на стереотипизированность, стойкость ассоциаций). Для выявления корреляционных связей использовался коэффициент корреляции Пирсона. В результате было выявлено, насколько созвучны («ассоциативны») представления о стратегиях развития субъектов науки и образования с точки зрения участников исследования. В данной статье проанализированы корреляционные связи между пунктами анкеты в модальностях «важно для российской науки», «важно для развития науки и университетов в странах Востока», «важно для развития науки и университетов в странах Запада» для реконструкции моделей научных приоритетов российской науки, науки Востока и науки Запада.

Выборка исследования состояла из 387 чел. от 18 до 25 лет – студентов, получающих высшее образование в области технических наук (27 %), медицины (34 %), психологии и педагогики (39 %) в городах с развитой научно-образовательной инфраструктурой (Воронеж – 10 студентов, Киров – 113 студентов, Курск – 10 студентов, Москва – 50 студентов, Нижний Новгород – 204 студента), из них

321 девушка и 66 юношей. Студенты заполняли анкеты в дистанционном формате по рекомендации обучающихся их преподавателей.

Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, что российская «воображаемая наука» (концепция «российской науки») у российской студенческой молодежи, имеющей опыт общения с представителями науки во время обучения и рассматривающей возможности собственной научной карьеры, созвучна концепции «науки Запада», а концепция «науки Востока» – скудна и схематична, отражает недостаток информации о Востоке. Гипотеза строится на опыте включения российских университетов в Болонский процесс (Тхагапсоев, Яхутлов, 2022), благодаря которому студенты российских университетов имели доступ к студенческим обменам, ориентировались на «стандарты» западных университетов и т.д.

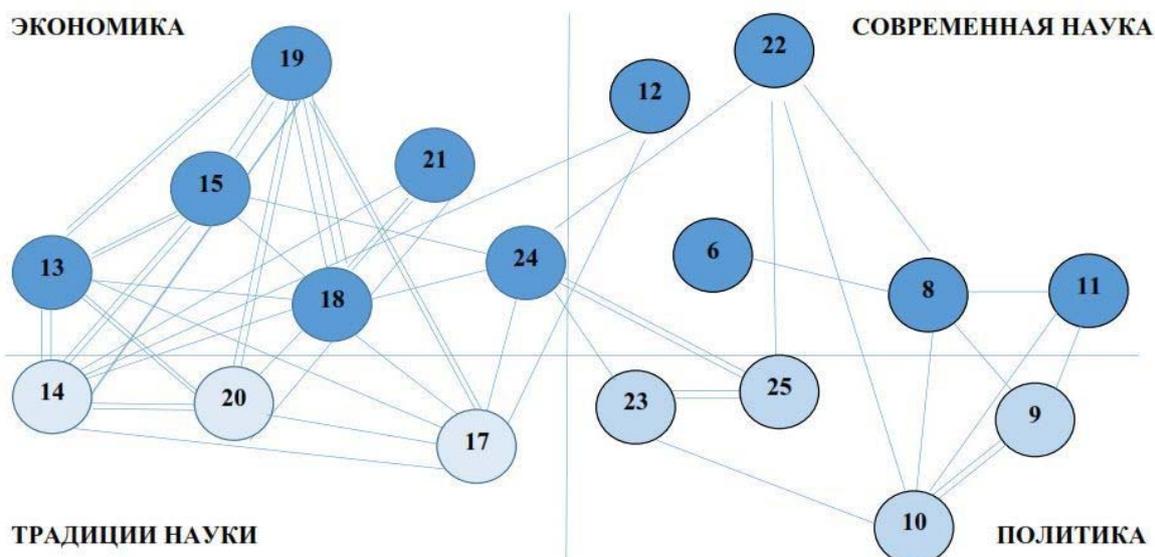
Результаты исследования: модели научных приоритетов

После анализа анкеты и проведения корреляционного анализа были построены модели научных приоритетов, которые существуют, с точки зрения опрошенных студентов, у науки в России, на Западе и на Востоке. Сложные конструкты «Запад» и «Восток» в анкете не были конкретизированы, поэтому под «Западом» студенты могли представлять и ЕС, и США, и Канаду, и т.д. Также под «Востоком» опрошенные могли подразумевать и Китай, и Индию, и Иран, и т.д. При построении моделей использовались корреляции, тяготеющие к сильным связям ($r \geq 0,5$ – на рисунках отображается одной линией; $r \geq 0,6$ – на рисунках отображается двумя линиями), или сильные корреляции ($r \geq 0,7$ – на рисунках отображается тремя линиями)). Во всех случаях установления корреляционных связей в моделях уровень значимости связей высокий (p -уровень $\leq 0,001$), то есть обнаруженные корреляции статистически значимы.

В результате воссоздания модели развития российской науки (с точки зрения респондентов) было выяснено, что все области развития, которые учтены в анкете (блок социально-экономической депривированности; блок чувствительности к политическим изменениям и блок, отражающий разные аспекты научной деятельности в вариантах традиционной и современной науки) оказались включенными в корреляционные связи, обладающие относительно сильным весом. Студенты, принимающие участие в исследовании, достаточно согласованно (стереотипизированно) увидели следующую картину научных приоритетов современной российской науки (рис. 1).

Из семи пунктов, описывающих на рисунке социально-экономическую жизнь науки, шесть оказались тесно связанными как между собой, так и с другими аспектами научной жизни – из политической сферы, а также с научными традициями и современными направлениями развития науки. Интерес к экономической сфере в модели представлен активным использованием сегмента «экономика» (наличие пунктов, включенных в корреляционные связи, и количество сильных связей между ними), однако, по сути, этот интерес отражает признание социально-экономической депривированности науки. Студенты считают, что российской науке необходимо финансирование (и от государства, и от бизнеса; между данными пунктами самая сильная связь – $r \geq 0,76$), чтобы финансовые средства не были коррупционно использованы (чтобы действительно финансировалась наука, без злоупотреблений), чтобы можно было обновить материально-техническую базу лабораторий, а экономическое благополучие было как у зрелых, так и у молодых ученых.

Блок, раскрывающий социально-экономическое положение науки в данной модели, наиболее тесно связан с блоком, отражающим чувствительность науки к политическим изменениям. Все «политические позиции», заложенные в анкете, проявились в выраженных корреляционных связях. В современных политических условиях студенты относительно согласованно осознают необходимость развития исследований в области оборонной промышленности, в области противодействия санкциям недружественных стран и решения задач в области импортозамещения. Поскольку в большинстве участники исследования представляли социальные науки и медицину, в модель научных приоритетов вошел пункт, отражающий готовность студентов принимать посильное участие в политическом противостоянии страны угрозам на социогуманитарном поприще.

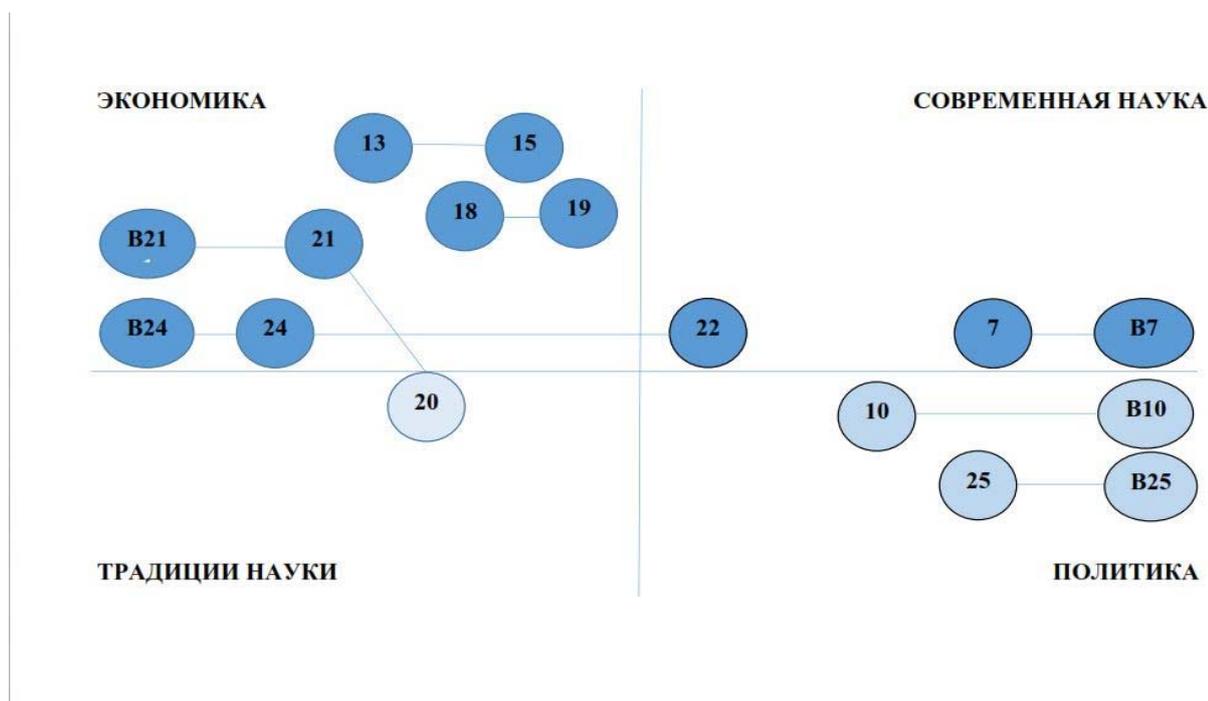
Рис. 1. Модель российской науки в представлениях студенческой молодежи

Примечание: 6 – научное сопровождение развития креативных индустрий; 8 – развитие исследований в области туризма и транспорта; 9 – исследования, ориентированные на оборонную промышленность и безопасность своей страны; 10 – развитие социогуманитарных исследований в области противодействия ... угрозам; 11 – исследования, ориентированные на решение экологических проблем; 12 – развитие технопарков; 13 – экономическое благополучие ученых; 14 – свободное творчество и мобильность ученых; 15 – противодействие коррупции в обществе и науке; 17 – научное международное сотрудничество; 18 – грантовая поддержка науки со стороны государства; 19 – грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса; 20 – личностный рост ученого; 21 – поддержка молодых исследователей; 22 – развитие наук о космосе; 23 – переориентация научных исследований на задачи импортозамещения; 24 – обновление материально-технического оснащения научных подразделений; 25 – развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран

Пункты анкеты, раскрывающие приоритеты, традиционные для «классической науки» (творчество, личностный рост, свобода и международное сотрудничество), также посредством относительно сильных корреляций оказались связанными с экономическим блоком. Поскольку в области традиций «потерялся» пункт о роли фундаментальной науки, этот блок можно охарактеризовать и как «романтический», ориентированный на идеалистические цели (творчество, свобода и т.п.). В то же время из десяти пунктов анкеты, описывающих возможные направления развития, актуальные для современной науки, устойчивые позиции заняли: «креативные индустрии», «туризм», «экология», «технопарки» и «космос». Очевидно, что креативные индустрии, туризм, экология отражают собственные интересы участников исследования, а значимость технопарков и развития «космических исследований» обусловлена влиянием СМИ и популярной культуры.

Таким образом, модель развития науки России в интерпретации российской студенческой молодежи из различных регионов, преимущественно нестоличных жителей, строится на убеждении в необходимости экономической поддержки науки, включает патриотическую направленность респондентов, романтизм и открытость для идей популярной культуры.

Насколько данные тенденции проявляются при размышлении о приоритетах развития науки в других странах, рассмотрим далее на примере развития науки Запада. Корреляционные связи между мнениями в анкете становятся сильными, если многие участники анкетирования осуществляют схожий выбор. Однако в случае с наукой Запада мнения опрошенных оказались менее согласованными, чем суждения о развитии российской науки, поэтому «западная модель» оказалась более простой (единство мнений присутствовало лишь в небольшой части пунктов). Модель науки Запада оказалась представленной фактически через две основные области – экономику и политику (рис. 2).

Рис. 2. Модель науки Запада в представлениях студенческой молодежи

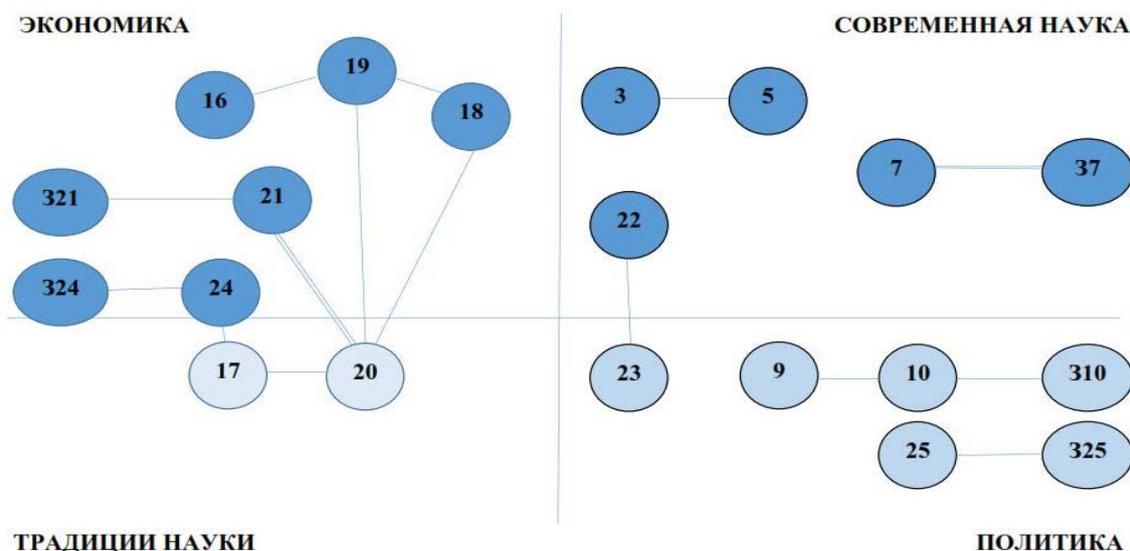
Примечание: буква В до числа означает принадлежность к науке Востока; 7 – развитие исследований в медицине; 10 – развитие социогуманитарных исследований в области противодействия ... угрозам; 13 – экономическое благополучие ученых; 15 – противодействие коррупции в обществе и науке; 18 – грантовая поддержка науки со стороны государства; 19 – грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса; 20 – личностный рост ученого; 21 – поддержка молодых исследователей; 22 – развитие науки о космосе; 24 – обновление материально-технического оснащения научных подразделений; 25 – развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран

Как и в России, наука Запада представлена посредством роли экономической поддержки со стороны государства и бизнеса как борющаяся с коррупцией, обеспечивающая экономическое благополучие зрелых и молодых ученых, а также вкладывающая средства в развитие научной инфраструктуры. Из научных традиций наиболее согласованное положение – у пункта о личностном росте ученого: в данной модели (как и в модели российской науки) это связывается с поддержкой молодых ученых.

Блок, характеризующий развитие современных тенденций, представлен скудно: с точки зрения опрошенных, только космос и медицина устойчиво вписаны в приоритеты западной науки. Всемирно известные сериалы-бестселлеры о науке «Теория большого взрыва» (о физиках), телесериал American Fox «Кости» (о судебном антропологе), популярные также и в России, – именно об американской науке. Возможно, научные тренды (космос и медицина) могли быть приписаны науке Запада на основе стереотипов из популярной культуры (сериалов и СМИ).

Слабость данной модели (в отличие от модели российской науки) проявляется в небольшом количестве связей между компонентами, что свидетельствует о размытых стереотипах, несогласованном представлении российских студентов о том, что же такое наука Запада. Отличительной особенностью модели науки Запада является проявление корреляционных связей между наукой Запада и Востока (позиции B21, B24, B7, B10, B25). Развитие исследований в медицине, личностный рост ученого, поддержку молодых исследователей и обновление материально-технического оснащения участники анкетирования считают характеристиками, необходимыми науке как на Западе, так и на Востоке, то есть эти области в представлениях студентов максимально стереотипизированы в отношении зарубежной науки.

Что касается модели науки Востока, она оказалась более насыщенной устойчивыми связями, чем модель науки Запада (рис. 3).

Рис. 3. Модель науки Востока в представлениях студенческой молодежи

Примечание: буква З до числа означает принадлежность к науке Запада; 3 – развитие информационных технологий; 5 – развитие стратегических компьютерных технологий; 7 – развитие исследований в медицине; 9 – исследования, ориентированные на оборонную промышленность и безопасность своей страны; 10 – развитие социогуманитарных исследований в области противодействия ... угрозам; 16 – конкуренция в науке: построение карьеры с опорой на достижения; 17 – научное международное сотрудничество; 18 – грантовая поддержка науки со стороны государства; 19 – грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса; 20 – личностный рост ученого; 21 – поддержка молодых исследователей; 22 – развитие наук о космосе; 23 – переориентация научных исследований на задачи импортозамещения; 24 – обновление материально-технического оснащения научных подразделений; 25 – развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран

В социально-экономической области модель науки Востока сохраняет необходимость тесной связи между финансированием науки со стороны государства и бизнеса, однако прирастает новой связью пункта о «грантах от бизнеса» – с приоритетом научной конкуренции (против семейственности в науке). В области научных традиций появляется новая связь: международное сотрудничество связывается с личностным ростом ученого и обновлением материально-технической научной базы. В области политики у «восточной модели» больше общего с российской («оборонка», импортозамещение). В области современных исследований появляются позиции, связывающие приоритеты по развитию компьютерных технологий.

Модели науки Востока и Запада отчасти схожи (выраженные корреляции между пунктами в анкете о медицине, о поддержке молодежи и т.д.), однако модель науки Востока более насыщена элементами и корреляциями и более похожа на модель российской науки. Таким образом, основная гипотеза исследования не подтвердилась. Модель российской науки в восприятии студенческой молодежи оказалась детализированной и стереотипизированной (сложившейся, устойчивой, со значительным количеством средне-сильных и сильных корреляций), модель науки Запада – бедной содержательно и устойчивыми связями, модель науки Востока – занимающей промежуточное положение между российской моделью и западной (то есть стереотипы о науке Востока в понимании опрошенных ближе стереотипам о российской науке, чем о науке Запада).

Обсуждение результатов: геополитический образ науки

Социальные представления и стереотипы при изучении системы геополитических взглядов оцениваются исследователями как платформа для согласованного, консолидированного отношения населения к действиям власти во внешней и/или внутренней политике и воспринимаются в позитив-

ном ключе – как эмоциональная поддержка со стороны населения, залог согласия в обществе. Исследования, направленные на выяснение геополитических координат современной российской молодежи, проводились и ранее, также в формате пилотных исследований, с опорой на качественные методы (Борисова, Фурманова, 2021). Так, Е. Г. Борисовой и С. Л. Фурмановой в процессе фокус-группового исследования было выяснено, что стереотип равнения на США в сознании студентов вытесняется приятным отношением к Востоку (прежде всего к Китаю), в то же время сохраняется стереотип об уникальном пути, который должна пройти Россия в поисках своей геополитической локации.

Результаты данного научного проекта согласуются с исследованием Е. Г. Борисовой и С. Л. Фурмановой. Скучная на элементы и связи модель науки Запада говорит о том, что у опрошенных студентов размыт единый образ (стереотип) западной науки. В популярной культуре в позитивном ключе преподносится именно западная наука (то есть стереотипы именно о западной науке должны были быть наиболее выраженными), однако при заполнении анкеты эти стереотипы не проявились. Мы полагаем, размывание возможного позитивного стереотипа о западной науке стало следствием перестройки геополитических координат российского общества. Корреляционные связи фиксируют только устойчивые стереотипы: если часть участников исследования переоценила свое мнение о науке Запада, модель восприятия западной науки также потеряла часть устойчивых элементов.

В то же время модель науки Востока оказалась относительно стереотипизированной и насыщенной элементами, а также более схожей с моделью науки России. Мы полагаем, что данный факт обусловлен результатами работы такого механизма социальной перцепции, как ингрупповой фаворитизм (тенденция более позитивно оценивать представителей «своей» группы) (Семенова, 2021): опрошенные студенты в своих геополитических оценках и отношениях уже «переключились» на Восток, склонны оценивать Восток как «свой», более близкий России (часть стереотипов о российской науке переносится и на Восток), что способствует формированию устойчивого (стереотипного) образа.

Модель российской «воображаемой» науки, согласно исследованию, оказалась согласованной (стереотипизированной) у студентов из разных предметных областей и разных регионов России. В данной модели нашла отражение и «политическая составляющая»: студенты отозвались на все позиции в анкете, имеющие отношение к безопасности их страны, связав политические интенции с современными научными трендами и экономическими проблемами. Мы полагаем, модель «воображаемой» российской науки отражает патриотическую направленность опрошенных, поскольку в преобладающих связях проявляется заинтересованность и забота о состоянии российской науки и страны в целом.

В качестве наиболее актуальных научных тенденций студенческая молодежь, принимающая участие в исследовании, отмечает те области развития науки, которые имеют отношение к их образованию («Развитие социогуманитарных исследований...»), следовательно, стереотипизированный образ науки складывается с опорой на повседневный опыт. Исследователи, уделяя внимание роли музыки, фильмов, художественной литературы и т.д. в формировании геополитических образов (Масафа, 2020; Pfoser, 2022; Whittaker, 2022; и др.), вклад СМИ отражают в единичных исследованиях (Радина, 2021; Sullivan, Lee, 2018), однако именно СМИ ежедневно транслируют свое видение разных территорий. Экология, космос, туризм и технопарки (оказавшиеся сцепленные корреляционными связями) – как актуальные области развития науки в России – наиболее вероятно отразились в мнениях опрошенных именно из услышанного, увиденного и прочитанного в СМИ.

Общей характеристикой всех моделей «воображаемой» науки является выраженная стереотипизация экономической сферы: экономические проблемы науки, ее финансирование и недофинансирование, формируют наиболее сильные корреляционные связи. Подобная фиксация говорит о том, что участники исследования наиболее остро чувствуют именно социально-экономическую депривацию и, вероятно, сами находятся в ситуации «недофинансирования».

Анализ результатов исследования показывает, что студенческая молодежь в условиях информационного поля о санкциях против России в своих геополитических установках спонтанно формирует направленность российской науки на Восток: эта переориентация складывается стихийно, основывается на повседневном опыте и базовых психологических механизмах.

В то же время используемая в исследовании анкета дает поверхностный взгляд на стереотипизацию образа науки и не затрагивает глубинных причин стереотипизации. Так, сближение «воображаемой российской науки» и «воображаемой науки Востока» может быть обусловлено не только их близостью (поворотом России на Восток), но и дистанцированием западной – возможно, более

«продвинутой» – науки. Иными словами, не только идея «поворота» значима при рефлексии общественных геополитических стереотипов о науке, но и проблема отсталости, неуверенности в достижении научного лидерства.

* * *

«Поворот на Восток», который совершает Россия, предполагает самые разные действия, в том числе связанные с разъяснением и информированием населения о перспективах российского общества в новых условиях. Молодежь принимает необходимость «поворота», однако «восточное направление» содержательно требует дополнительной информационной поддержки (в СМИ, художественной продукции и т.п.). Если же учесть роль повседневного опыта в формировании стереотипов (в том числе и геополитических), университетская среда (молодежные международные семинары, конференции, встречи, онлайн-сообщества и т.п.) могла бы выполнять полезную работу по насыщению деталями этой «восточной ориентации», которая определяется как центральный путь развития российской науки на ближайшие десятилетия.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено в рамках программы «Приоритет 2030» в ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Список литературы / References

- Борисова, Е. Г., Фурманова, С. Л. (2021) 'Россия: Восток или Запад? Образ России в картине мира современного студента', *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 7 (2), сс. 17–24. DOI: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_17_24 [Borisova, E. G., Furmanova, S. L. (2021). 'Russia: Is it East or West? The image of Russia in the world view of a modern student' [Rossiya: Vostok ili Zapad? Obraz Rossii v kartine mira sovremennogo studenta], *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 7 (2), pp. 17–24. DOI: 10.22250/24107190_2021_7_2_17_24 (In Russ.)].
- Го, Л. (2020) 'Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации', *Научный диалог*, 1 (10), сс. 26–36. DOI: 10.24224/227-1295-2020-10-26-36 [Guo L. (2020) 'The Image of Digital China in the Russian Media' [Obraz tsifrovogo Kitaya v rossiiskikh sredstvakh massovoi informatsii], *Nauchnyi dialog*, 1 (10), pp. 26–36. DOI: 10.24224/227-1295-2020-10-26-36 (In Russ.)].
- Говоров, Ю. Л. (2003) *Западный и восточный векторы внешней политики в истории России (цивилизационный аспект) в: Россия и Европейский союз: стратегия взаимодействия*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, сс. 76–85 [Govorov, Yu. L. (2003) *Western and Eastern vectors of foreign policy in the history of Russia (civilizational aspect)* [Zapadniy i vostochniy vektory vneshnei politiki v istorii Rossii (tsivilizatsionnyi aspekt)] in: *Rossiya i Evropeiskii soyuz: strategiya vzaimodeistviya* [Russia and the European Union: interaction strategy] Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 76–85 (In Russ.)].
- Долгова, Е. (2021) 'Женщина-ученый в советском кинематографе 1920–1950-х гг.: ассистент, исследователь, руководитель' в: (ред) Илизаров С.С., Самарина А.Ю. *О женщинах в науке и не только*. М.: Янус-К, сс. 100–115 [Dolgova, E. (2021) 'Female scientist in Soviet cinema of the 1920s–1950s: assistant, researcher, leader' [Zhenshchina-ucheniy v sovetskom kinematografe 1920-1950-kh gg.: assistent, issledovatel', rukovoditel'] in: (red) Ilizarov S.S., Samarina A.Yu. *O zhenshchinakh v nauke i ne tol'ko*. Moskva: Yanus-K, pp. 100–115 (In Russ.)].
- Иванова, С. А. (2017) 'Образ ученого в советской художественной литературе 1920-х годов' в: *Актуальные вопросы филологической науки XXI в. Часть 2*, Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, сс. 235–244. [Ivanova, S.A. (2017) 'The image of a scientist in Soviet fiction of the 1920s' [Obraz uchenogo v sovetskoj khudozhestvennoi literature 1920-kh godov] v: *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka* [Actual issues of philological science of the 21st century] Chast' 2, Eka-

- terinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI, pp. 235–244. (In Russ.).
- Медведева, С. М. (2014) ‘Российская наука и государство: образ учёного в современном российском кино’, *Вестник МГИМО-Университета*, 2 (35), сс. 184–192. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-184-192 [Medvedeva, S.M. (2014) ‘Russian Science and Russian State: Image of a Scientist in Modern Russian Cinema’ [Rossiiskaya nauka i gosudarstvo obraz uchenogo v sovremenom rossiiskom kino], *MGIMO Review of International Relations*, 2 (35), pp. 184–192. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-184-192 (In Russ.)].
- Пархоменко, Т. А. (2021) ‘Российская цивилизация: между Западом и Востоком’. М.: Институт наследия, 152 с. [Parkhomenko, T. A. (2021) *Russian civilization: between West and East* [Rossiiskaya tsivilizatsiya: mezhdu Zapadom i Vostokom]. Moskva: Institut naslediya, 152 p. (In Russ.)].
- Пушкарева, Н. Л. (2020) ‘Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в «дооттепельном» советском кинематографе (1945–1955 гг.)’, *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*, 6 (2), сс. 143–148. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-2-143-148 [Pushkareva, N.L. (2020) ‘Social memory of the life and everyday life of a woman scientist in “pre-thaw” Soviet cinema (1945–1955)’ [Sotsial'naya pamyat' o byte i povsednevnosti zhenshchiny-uchenoj v «doottepel'nom» sovetskom kinematografe (1945–1955 gg.)], *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*, 6 (2), pp. 143–148. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-2-143-148 (In Russ.)].
- Радина, Н. К. (2021) ‘Воображаемая геополитика’ в российском медийном дискурсе о коронавирусе’, *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 110–124. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.08 [Radina, N. K. (2021) ‘Imagined Geopolitics’ in the Russian Media Discourse on Coronavirus’ [Voobrazhaemaya geopolitika’ v rossiiskom mediinom diskurse o koronavirusе], *Polis. Political Studies*, 1, pp. 110–124. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.08 (In Russ.)].
- Радина, Н. К. (2023) ‘Медийные модели пропаганды: пандемия COVID-19 в русскоязычных СМИ с ‘другим мнением’», *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 138–151. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.10 [Radina, N. K. (2023) ‘Media models of propaganda: the COVID-19 pandemic in Russian-language media with a ‘different opinion’ [Mediinye modeli propagandy: pandemiya COVID-19 v russkoyazychnykh SMI s ‘drugim mneniem’]», *Polis. Political Studies*, 4, pp. 138–151. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.10 (In Russ.)].
- Семенова, Е. С. (2006) ‘Психологические механизмы восприятия образов ‘своего’ и ‘чужого’ политических лидеров (на примере образов В. В. Путина и Г. Шредера)’, *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 6, сс. 86–94 [Semenova, E. S. (2006) ‘Psychological mechanisms of perception of images of “one’s own” and “alien” political leaders (using the example of the images of V.V. Putin and G. Schroeder) ’ [Psikhologicheskie mekhanizmy vospriyatiya obrazov ‘svoego’ i ‘chuzhogo’ politicheskikh liderov (na primere obrazov V. V. Putina i G. Shredera)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 6, pp. 86–94 (In Russ.)].
- Струков, В. (2020) ‘Популярная геополитика в предметном поле memory studies: метод и перспективы’, *Новое прошлое. The new Past*, 1, сс. 241–244. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-240-244 [Strukov, V. (2020) ‘Popular geopolitics in the subject field of memory studies: method and prospects’ [Populyarnaya geopolitika v predmetnom pole memory studies: metod i perspektivy], *Novoe proshloe. The new Past*, 1, pp. 241–244. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-240-244 (In Russ.)].
- Тимофеев, И. Н. (2022) ‘Политика санкций против России: новый этап’, *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3 (55). сс. 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11 [Timofeev, I. N. (2022) ‘Politika sanktsii protiv Rossii: novyi etap’ [Policy of sanctions against Russia: Newest stage], *Journal of the New Economic Association*, 3(55). pp 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11 (In Russ.)].

- Трищенко, Н. Д. (2022) 'Культура отмены в науке как следствие медиатизации', *Вестник ВГУ. Серия 'Филология. Журналистика'*, 3, сс. 152–155. [Timofeev, I. N. (2022) 'Cancel culture in science as a consequence of mediatization' [Politika sanktsii protiv Rossii: novyi etap], *Proceedings of Voronezh State University, Series: Philology. Journalism*, 3, pp. 152–155 (In Russ.)].
- Тхагапсоев, Х. Г., Якутлов, М. М. (2022) 'Раставаясь, обрести: к ориентирам «пост-болонского» развития вузовского образования в России», *Высшее образование в России*, 31 (10), сс. 44–55. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-44-55 [Tkhagapsoev, Kh. G., Yakhutlov, M.M. (2022) 'Giving up to Gain: Towards the Benchmarks of the 'Post-Bologna' Development of Higher Education in Russia' [Rastavayays', obresti: k orientiram 'post-bolonnskogo' razvitiya vuzovskogo obrazovaniya v Rossii], *Vysseee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 31 (10), pp. 44–55. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-44-55 (In Russ.)].
- Хренов, Н. (2013) 'Русская культура на перекрестке Запада и Востока, Россия как подсознание Запада. Восток как подсознание России', *Искусствознание*, 3-4, сс. 110–148. [Khrenov, N. (2013) 'Russian culture at the crossroads of West and East, Russia as the subconscious of the West. The East as the subconscious of Russia' [Russkaya kul'tura na perekrestke Zapada i Vostoka, Rossiya kak podsoznanie Zapada. Vostok kak podsoznanie Rossii], *Iskusstvovznanie*, 3-4, pp. 110–148. (In Russ.)].
- Chatterjee, S. (2021) 'On the Theory of Knowledge Resource Inequality: Role of Knowledge Capital in Social Transformation', *MPRA Paper*, 105221, Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/105221/> (Accessed: 23.10.2023).
- Dittmer, J. (2010) '*Popular culture, geopolitics and identity*'. Plymouth: Rowman & Littlefield, 248 p.
- Dittmer, J., Gray, N. (2010) 'Popular geopolitics 2.0: Towards new methodologies of the everyday', *Geography Compass*, 4 (11), pp. 1664–1677.
- Ghourchi, M., Mosaviyan, S. S. (2021) 'The Role of Hollywood Cinema in Geopolitical Representation of the Middle East', *Geopolitics Quarterly*, 16 (4), pp. 10–35. DOI: 20.1001.1.17354331.1399.16.60.2.4
- Macała, J. (2020) 'China in the Geopolitical Imaginations of the Polish Pop Music after 1989', *Polish Political Science Yearbook*, 49 (4), pp. 37–47. DOI: 10.15804/ppsy2020403
- Pfoser, A., Yusupova, G. (2022) 'Memory and the everyday geopolitics of tourism: Reworking post-imperial relations in Russian tourism to the 'near abroad'', *Annals of Tourism Research*, 95, pp. 103437. DOI: 10.1016/j.annals.2022.103437
- Stehr, N., Ufer, U. (2008) 'Globale Wissenswelten', *Berliner Republik*, 5, Available at: <http://www.b-republik.de/archiv/globale-wissenswelten> (Accessed: 23.10.2023).
- Sullivan, J., Lee, D.S. (2018) 'Soft Power Runs into Popular Geopolitics: Western Media Frames Democratic Taiwan', *International Journal of Taiwan Studies*, 1 (2), pp. 273–300. DOI: 10.1163/24688800-00102003
- Vivas-Peraza, A.C. (2022) 'The role of women in STEM disciplines. A multimodal analysis of crowdfunding project videos for the iGEM science competition', *Science, society, technological and communicational transformations*, 12 (2), pp. 228–251. DOI: 10.24197/st.2.2022.228-251
- Weingart, P. (2022) 'Trust or attention? Medialization of science revisited', *Public Understanding of Science*, 31 (3), pp. 288–296. DOI: 10.1177/09636625211070888
- Weitekamp, M. A. (2017) 'The image of scientists in The Big Bang Theory', *Physics Today*, 70 (1), pp. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.1063/PT.3.3427>
- Whittaker, N. (2022) 'Popular geopolitics and political memoir: Geopolitical expertise and force majeure as foreign policy justifications in Tony Blair's A Journey', *Political geography*, 98, pp. 102696. DOI: 10.1016/j.polgeo.2022.102696
- Woodyer, T., Carter, S. (2020) 'Domesticating the Geopolitical: Rethinking Popular Geopolitics through Play', *Geopolitics*, 25 (5), pp. 1050–1074. DOI: 10.1080/14650045.2018.1527769

Опросник «Научные приоритеты» (автор – Н. К. Радина)

Инструкция: Перед Вами возможные приоритеты развития науки в ближайшем будущем. Отметьте, пожалуйста, те позиции, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают реальность сегодняшнего дня (с учетом различных мнений и позиций). Вы можете отметить любое число приоритетов (на Ваше усмотрение):

1. Форсайт-исследования (прогнозирование и конструирование будущего).
2. Развитие фундаментальной науки.
3. Развитие информационных технологий и обустройство национальной цифровой информационной среды.
4. Социогуманитарная поддержка цифровизации общества (исследования в области социальных и гуманитарных наук).
5. Развитие стратегических компьютерных технологий и программного обеспечения.
6. Научное сопровождение развития креативных индустрий (литературного творчества, дизайна, телевидения, музыкального искусства, моды, архитектуры, разработки программного обеспечения для креативных индустрий и др.).
7. Развитие исследований в медицине и в области биотехнологий для улучшения человеческой жизни.
8. Развитие исследований в области туризма и транспорта.
9. Исследования, ориентированные на оборонную промышленность и безопасность своей страны.
10. Развитие социогуманитарных исследований в области противодействия современным информационным, биологическим и т.д. угрозам.
11. Исследования, ориентированные на решение экологических проблем (включая все возможные научные поля).
12. Развитие технопарков для реализации инновационных проектов.
13. Экономическое благополучие ученых.
14. Свободное творчество и мобильность ученых вне рамок и границ.
15. Противодействие коррупции в обществе и науке.
16. Конкуренция в науке: построение карьеры с опорой на достижения, противодействие «кастовости» и семейственности в науке, блокирующим исследователей без «связей».
17. Научное международное сотрудничество исследовательских групп, центров и университетов.
18. Грантовая поддержка науки со стороны государства.
19. Грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса.
20. Личностный рост ученого.
21. Поддержка молодых (начинающих) исследователей.
22. Развитие наук о космосе, космических аппаратах и исследования в космосе.
23. Переориентация научных исследований на задачи импортозамещения.
24. Обновление программного обеспечения и материально-технического оснащения научных подразделений.
25. Развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран (право, экономика, финансы и т.д.).

Модальности:

1. Важно для меня.
2. Готов участвовать.
3. Важно для моего факультета.
4. Важно для моего университета.
5. Важно для российской науки.
6. Важно для развития науки и университетов в странах Востока.
7. Важно для развития науки и университетов в странах Запада.
8. Важно для развития науки вне границ и времен.

Опросник состоит из следующих блоков информации:

- Традиционные представления о развитии науки (пп. 2, 14, 17, 20).
- Ориентация на актуальные тенденции (пп. 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 22).
- Блок социально-экономической депривированности (пп. 13, 15, 16, 18, 19, 21, 24).
- Чувствительность к политическим изменениям (пп. 9, 10, 23, 25).

Статья поступила в редакцию: 25.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 27.11.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**EAST AND/OR WEST: PERCEPTIONS OF RUSSIAN SCIENCE
IN THE CONTEXT OF POPULAR GEOPOLITICS**

N. Radina, A. Kozlova, S. Tarasov

Nadezhda Radina, Doctor of Sc. (Polit. Sc.), Professor,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Russia.
E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8336-1044. ResearcherID: L-6641-2015).

Anastasia Kozlova, Research Engineer,
PJSC Sberbank, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2629-9157).

Semyon Tarasov, postgraduate student, junior researcher,
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: sementarasovvas@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8790-7219. ResearcherID: AEF-5943-2022).

Abstract

At the end of the 20th century Russia demonstrated rapprochement with the western science, but in the 21st century, it made a 'turn to the East'. This article aimed to reconstruct the models of the development of science oriented to the East and the West, as they are understood by students, as well as the model of the development of Russian science. The study collected empirical data through a questionnaire consisting of statements organized into four thematic blocks: traditional ideas about the development of science, focus on current trends, socio-economic deprivation, and sensitivity to political changes. The sample size consisted of 387 students from Voronezh, Kirov, Kursk, Moscow, and Nizhny Novgorod. A correlation analysis was conducted and models of science in Russia, East, and West were developed based on the results. The study concluded that students' ideas about science have already made a 'turn to the East'. The model of the 'science of the East' may be more similar to the model of Russian science due to the mechanism of social perception known as ingroup favoritism. The stereotyped image of science is often based on everyday experiences and media representations. Therefore, it is possible to influence geopolitical stereotypes about science through popular culture as well as international university events.

Keywords: popular geopolitics; science; Knowledge society; West; East.